

УДК 94(47)(063)
ББК 63.3(2)я431
К 52

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства
по делам молодежи (Росмолодежи) – проект «Международная
научная конференция молодых ученых "Ключевские чтения.
Проблема выбора пути в исторической судьбе России"»*

Редакционная коллегия:

д.и.н. *В.Е. Воронин* (отв. редактор),
д.и.н. *Г.В. Аксенова*, д.и.н. *Л.М. Архипова*,
д.полит.н. *Н.В. Асонов*, д.полит.н. *Е.В. Бродовская*,
д.и.н. *В.А. Волков*, к.и.н. *Н.А. Головань*,
к.и.н. *В.В. Горский*, к.и.н. *Т.А. Егерева*,
к.и.н. *А.А. Карасева*, к.и.н. *О.В. Каримов*,
к.и.н. *К.Р. Конохов*, д.и.н. *М.В. Короткова*,
д.и.н. *М.Ю. Лачаева*, д.и.н. *С.В. Перевезенцев*,
к.и.н. *С.Ю. Рафалюк*, д.и.н. *А.В. Репников*,
д.и.н. *Г.В. Талина*, д.и.н. *Н.П. Танышина*,
Г.Н. Чугунова, д.и.н. *Д.О. Чураков*

Ответственный редактор:

В.Е. Воронин

К 52

Ключевские чтения – 2022. Россия выбирает путь: Материалы
Международной научной конференции молодых ученых. Сборник
научных трудов / Отв. ред. В.Е. Воронин. – М.: Издательство «Спут-
ник+», 2022. – 547 с.

ISBN 978-5-9973-6224-9

Настоящий сборник материалов Международной научной конференции молодых ученых посвящен актуальной для современного российского общества проблеме выбора пути на разных этапах исторического развития России, поворотным моментам ее политической и социальной истории, эволюционным и революционным переменам в государственном и общественном строе. Важными и дискуссионными остаются вопросы о предпосылках и факторах как мирной эволюции, так и революционных переворотов в нашей стране.

Сборник приурочен к 300-летию юбилею Российской империи, 100-летию образования Союза Советских Социалистических Республик и 30-летию существования современной российской государственности. Предназначен для специалистов, преподавателей, учащихся и всех интересующихся отечественной историей.

На обложке:

картина художника В.И. Сурикова «Утро стрелецкой казни» (1881)

УДК 94(47)(063)
ББК 63.3(2)я431

Отпечатано с готового оригинал-макета.

ISBN 978-5-9973-6224-9

© Коллектив авторов, 2022

БЫТ И ПРАВЫ МОСКОВСКОГО ДВОРЯНСТВА ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ ПИСЬМАМ КНЯЖНЫ Е.А. ВЯЗЕМСКОЙ К БРАТУ 1805–1806 гг.

В данной статье речь пойдет о неопубликованных письмах на французском языке 1805–1806 гг. к юному П.А. Вяземскому его сестры – княжны Екатерины Андреевны Вяземской (в замужестве Щербатовой). К сожалению, она умерла молодой, в 21 год, и за исключением двух статей – Л.М. Карнишиной, воссоздавшей по опубликованным источникам общую канву ее недолгой жизни¹, и Г. Подбородникова², реконструировавшего по письмам княгини ее быт в Галиции, - куда она отправилась, сопровождая мужа в полк, личность Екатерины Андреевны не получила широкого освещения в науке. Между тем, современники были в восхищении от ее необычайной любезности и «дивной мягкости в сочетании с чувством достоинства»³, ее образ был воспет В.А. Жуковским в «Певце во стане русских воинов». На память о ней остались два портрета, небольшой бюст, хранившийся среди семейных реликвий в Карамзинской комнате в усадьбе Остафьево, и письма, среди которых довольно большую коллекцию составляет переписка княжны с ее любимым младшим братом – Петром Андреевичем Вяземским, отправленным в 1805 г. в Петербург в пансион патера Чижана.

Решение поместить 13-летнего П.А. Вяземского в пансион было вынужденным и нелегким для его отца⁴, и вызвано полным провалом, с точки зрения князя А.И. Вяземского, домашнего образования сына. В доме Вяземских, по обычаю тех времен, нанимали «учителей полки» – «много перебывало при мне французов, немцев, англичан»⁵, вспоминал впоследствии Петр Андреевич, и все они были неудовлетворительны как педагоги и не смогли приохотить его к наукам. Не удивительно, что А.И. Вяземский был недоволен ученическими успехами сына, равно как и его кажущейся, на первый взгляд, ленью и рассеянностью, поэтому решил поместить мальчика в петербургский иезуитский пансион – в надежде, что славившиеся своими педагогическими успехами иезуиты смогут оправдать его ожидания.

Для устройства сына в пансион князь А.И. Вяземский в 1805 г. отправился с ним в Петербург в сопровождении старшей дочери – Е.А. Карамзиной. В Москве их оставили ждать младшая дочь князя – княжна Екатерина Андреевна Вяземская и Н.М. Карамзин. Молодая княжна с нетерпением ждала новостей от брата и просила подробно описать ей все, что он увидит в столице, с кем встретится, какие любопытные места

¹ Карнишина Л.М. «Все в ней было приятно и даже очаровательно». Страницы биографии княжны Екатерины Андреевны Вяземской // Карнишина Л.М. Владельцы и гости усадеб Остафьево и Михайловское. Сб. ст. Остафьево, 2017. С. 197–207.

² Подбородников Г. Памяти князей Щербатовых. [Электронный ресурс]. URL: www.proza.ru/2016/05/05/1054 (дата обращения: 11.01.2020).

³ Цит. по: Бодэн Р. Женевский поклонник Карамзина: к вопросу о русских годах Джеймса Галиффа // Карамзинский сборник: сборник статей. Вып. 7 / Под ред. Е.И. Княжевой, Т.А. Егеревой. М., 2019. С. 72.

⁴ Нечаева В.С. Отец и сын. Юношеские годы князя П.А. Вяземского (По неизданным материалам Остафьевского архива) // Остафьевский сборник. Вып. 11–12. М., 2009. С. 427.

⁵ Вяземский П.А. Автобиографическое введение // Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. 1. 1810г.–1827г. Издание графа С.Д. Шереметева. СПб., 1878. С. XIV.

посетит, а главное – держать ее в курсе всех его идей и планов¹. Их переписка за 1805–1806 гг. – время петербургского учения Петра Андреевича – сохранилась в фонде Остафьевского архива в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и еще не была предметом изучения, хотя представляет собой несомненный интерес как для характеристики юных лет поэта, так и для реконструкции мира чувств и мыслей его сестры – молодой московской аристократки начала XIX в.

Как и было принято в высшем обществе, княжна писала родным и знакомым по-французски. По свидетельству Ф.Ф. Вигеля, в домашнем кругу Карамзиных-Вяземских он «не слышал (...) ни одного русского слова (...) Один только Карамзин говорил языком, можно сказать, им созданным»². К точному и красивому выражению своих мыслей на французском языке княжна относилась очень серьезно, что подтверждает наблюдения современных ученых о стремлении к «правильности» и «престижности» в женской письменной речи³. Недаром чуть позже, в 1809 г., в письмах к Н.М. Карамзину Екатерина Андреевна выражала надежду, что обширная переписка, которую она ведет, будет способствовать выработке ее стиля⁴. Княжна Вяземская обращала внимание и на стиль писем брата – «далеко не выразительный, по правде говоря», и упрекала его за небрежность и обилие орфографических ошибок.

Впрочем, князь Петр в ту пору еще не был известным поэтом пушкинской плеяды, отточившим свой слог в баталиях с литературными противниками, а был весьма ветреным, по мнению его сестры, молодым человеком, спешащим поскорее закончить свои послания и от рассеянности часто ошибающимся⁵.

Так, в одном из писем осени 1806 г. сестра хвалила князя Петра за слог, но все равно отметила пробелы в орфографии: «Я получила ваше письмо, мой дорогой друг, от 15 ноября прямо в мой день ангела, это был очень приятный подарок для меня, поскольку оно было очень любезным, я вижу, что вы становитесь поэтом, с некоторых пор ваш стиль определенно возвышенный, но, прошу вас, обращайтесь чуть больше внимания на орфографию, вы никогда не перечитываете ваших писем, вот почему там обнаруживаются столь грубые ошибки»⁶.

Княжна интересовалась кругом чтения брата: «Скажите мне, пожалуйста, читаете ли вы какие-нибудь книги вне классов и что за книги вы читаете. Я думаю, что, даже если вы им уделяете несколько минут, то только для того, чтобы прочесть какие-нибудь сказки, не так ли? или что-нибудь в этом духе»⁷. Столь нелестное мнение о читательском выборе младшего брата сформировалось у Екатерины Андреевны под влиянием отца – князя Андрея Ивановича, чрезвычайно критически относившегося ко всем занятиям, в т.ч. и чтению, сына: «Старые газеты или серьезное сочинение – это для вас безразлично, вы читаете все, что первым попадается под руки. И как вы при этом читаете: из середины ли книги, с начала ли или с конца – вам все равно; даже кончив одну страницу и видя, что следующие не разрезаны, вы перевернете еще

¹ Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 3093. Л. 1–1об. Здесь и далее перевод с фр. яз. мой. – Т.Е.

² Вигель Ф.Ф. Записки: В 2 кн. Кн. 2. М., 2003. С. 725.

³ Пушкарева Н. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. С. 314.

⁴ Щербатова Е.А. Письма к Карамзину, Николаю Михайловичу // Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 488. Картон 1. Д. 15. Л.2, 3об.

⁵ Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 3093. Л. 23.

⁶ Там же. Л. 54.

⁷ Там же. Л. 22.

страниц двадцать и будете продолжать чтение без всякой последовательности, так как и начали вы читать без системы и без всякой охоты»¹. Действительно, вредную привычку читать урывками, по две-три книги одновременно, Петр Андреевич сохранил до конца жизни, но объяснял ее тем, что ему стоило прочесть несколько страниц, чтобы постичь суть книги². Серьезное чтение было традицией в семействе Вяземских. У князя Андрея Ивановича была великолепно подобранная домашняя библиотека (насчитывавшая, по данным П.С. Шереметева, 7,5 тыс. томов³), в основном на французском языке, с произведениями античных и европейских классиков, сыгравшая большую роль в интеллектуальном развитии его детей.

В хранилище веков, в святыне их наследства,
Творцов приветствую, любимых мной из детства,
Путеводителей, наставников, друзей.
Их пламень воспалил рассвет души моей;
Обязан вкусом им, занятjem и забавой,
Быть может – как узнать? – обязан буду славою⁴, –

писал впоследствии Петр Андреевич об отцовской библиотеке, исторические и философские книги которой «урывками и тайком» обращали на себя его отроческое внимание⁵. Во время учебы в иезуитском пансионе в Петербурге он начал составлять свое собственное книжное собрание. Князь Петр просил сестру прислать ему сочинения Н.М. Карамзина («эти книги составят вашу библиотеку на русском языке, которая, я думаю, не слишком многочисленна»⁶, - заметила ему на это княжна), а от отца просил денег на приобретение книг. Не доверяя самостоятельному выбору сына, князь позволил ему покупать только те книги, на которые укажет ему патер Чиж, но списка этой рекомендованной литературы так и не дождался: «Скажите мне также, как так получилось, что в течение двух месяцев, что я послал вам 50 рублей, которые вы просили у меня на покупку книг, вы не только не прислали мне список книг, которые патер Чиж выбрал для вас, но даже не сообщили мне, что получили деньги»⁷, - строго спрашивал он сына. Появление голоса отца в переписке брата с сестрой не случайно: дело в том, что у князя Андрея Ивановича «почерк был почти недоступен глазам простых смертных»⁸, поэтому под его диктовку писала Екатерина Андреевна. Хотя и написанные один за другим одинаково ровным почерком княжны, эти послания князю Петру невозможно перепутать: ласковый, мягкий тон сестры, изобиловавший такими прилагательными, как «дорогой, любезный, милый», сменялся жесткими и требовательными фразами отца, часто в повелительном наклонении.

Что касается княжны, то в письмах к младшему брату она не распространялась о своем круге чтения, но из ее переписки с отцом и Е.А. Карамзиной следует, что в это

¹ Цит. по: Нечаева В.С. Указ. соч. С. 420.

² Вяземский П.А. Автобиографическое введение... С. IX.

³ Переписка Управления музеями-монастырями, музеями-усадьбами с музеем-усадьбой «Остафьево» // Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. Ф. 54 (Материалы Музейного отдела Главнауки Наркомпроса). Д. 643. Л. 401.

⁴ Вяземский П.А. Деревня // Сочинения: В 2-х т. Т. 1. Стихотворения / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. М.И. Гиллельсона. М., 1982. С. 162.

⁵ Вяземский П.А. Допотопная или допожарная Москва // Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. VII. 1855г.–1877г. СПб., 1882. С. 91.

⁶ Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 3093. Л. 18.

⁷ Там же. Л. 26об.

⁸ Вяземский П.А. Допотопная или допожарная Москва... С. 93.

время она читала «Дух истории» Антуана Феррана¹. Еще одно упоминание о ее чтении относится уже к 1809 г., когда она сопровождала мужа – князя А.Г. Щербатова в поездке в действующую армию в Галицию: «Мне недостает еще моих занятий, - писала Екатерина Андреевна сестре, - у меня нет ни книг, ни возможности рисовать, поскольку совсем нет модели, и я думаю, что все это еще нескоро появится (...) несмотря на это я собираюсь заняться серьезным чтением, князь Хованский одолжил меня письмами Цицерона к Аттику»². Выразительный штрих женской дворянской повседневности начала XIX в. – молодая княгиня, скучая в захолустной деревеньке в Гродненской губернии, коротала время за чтением античных авторов, ибо других книг в ее окружении не нашлось, и писала об этом по-французски родным.

Еще одной традицией в доме Вяземских, как и во многих старинных дворянских московских семьях, имевших свой «особый отпечаток», было гостеприимство. У Вяземских в их московском особняке на Колымажном дворе была «дверь отперта для званых и незваных, // Особенно из иностранных» («матушка моя была Ирландка, из фамилии О'Рейли и потому Англичане преимущественно находили у нас особенное и почти родное приветствие»³, - вспоминал впоследствии Петр Андреевич). Ежедневно собиралось от пяти-шести до пятидесяти и более гостей⁴, причем в доме Вяземских их привлекали не «обеда, ужины и танцы», а живой обмен мыслями, непринужденная и утонченная игра ума, словесные поединки и обсуждения последних новостей политики и литературы. Эти салонные разговоры были живой практической школой для дворянской молодежи. Как писал А.Г. Щербатов о княжне Вяземской, «всякий вечер собиралось к ним отличнейшее общество людей умных и приятных. Таковому обществу, в котором взроста, обязана, может быть, была она тому развитию ума и любезности, которые столь отличали ее от прочих молодых девиц...»⁵.

В письмах к брату Екатерина Андреевна называла лиц из их родственного и дружеского окружения. Среди них был князь А.П. Оболенский: «я видела вчера, мой друг, князя Андрея Оболенского, который сказал мне поцеловать вас от его имени»⁶, - писала княжна брату. Князь А.П. Оболенский приходился двоюродным дядей Петру Вяземскому и его сестре, а в семействе Оболенских умели счесть родство и дорожили семейными связями. В их подмосковной усадьбе в селе Троицком Подольского уезда «эта семейная жизнь принимала необыкновенные размеры и характер. Кроме семейства в полном составе, приезжали туда погостить и другие родственники»⁷, в числе которых была и княжна Екатерина Андреевна. В августе 1805 г. она из Остафьева, расположенного тоже в Подольском уезде, поехала погостить к Оболенским и подробно перечисляла в письме к отцу и сестре семейные новости, одновременно прося их передать в Петербурге от ее имени поклон ее приятельнице – княжне Зинаиде

¹ Письма (в выписках и аннотациях) Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому А.И. и Карамзиным Н.М. и Е.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 5997. Л. 3.

² Щербатова Е.А. Письмо к Карамзиным, Николаю Михайловичу, Екатерине Андреевне // НИОР РГБ. Ф. 488 (Карамзин). Картон 1. Д. 9. Л. 10б.

³ Вяземский П.А. Допотопная или допожарная Москва... С. 110.

⁴ Там же. С. 91.

⁵ Щербатов А.Г. Мои воспоминания / Вступ. ст. и коммент. О.И. Киянской, подготовка текста А.А. Ширяевой. СПб., 2006. С. 63–64.

⁶ Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 3093. Л. 14.

⁷ Вяземский П.А. Московское семейство старого быта // Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. VII. С. 487–488.

Белосельской¹ (в замужестве Волконской, будущей хозяйке знаменитого салона в Москве). Ее отец, князь А.М. Белосельский, был частым гостем в доме Вяземских и с особой лаской относился к юному князю Петру: называл его своим поэтом и даже состоял с ним в переписке². Еще одной подругой и ровесницей княжны Вяземской была Мария Яковлевна Лобанова-Ростовская³, в замужестве Нарышкина, которую считали при дворе одной из самых очаровательных и любезных женщин и в которую в молодости был влюблен будущий декабрист князь С.Г. Волконский.

Круг подруг княжны, состоявший из замечательных женщин своего времени – З.А. Волконской, М.Я. Нарышкиной, А.Ю. Оболенской (урожденной Нелединской-Мелецкой), много говорит о том обществе, в котором она воспитывалась и жила. С Аграфеной Юрьевной, дочерью близкого друга Вяземских – поэта Ю.А. Нелединского-Мелецкого, княжна Екатерина Андреевна дружила с детства. В гостеприимный дом Нелединских-Мелецких, около Мясицкой, ее вывозили на балы и праздники. «В День св. Екатерины я была на грандиозном балу у Нелединских, - писала брату Екатерина Андреевна в ноябре 1806 г., - на котором было до 300 человек гостей. Я танцевала там до 6 часов утра, и мои ноги все еще это чувствуют». Впрочем, чтобы брат не счел ее легкомысленной и увлекающейся лишь балами, княжна тут же добавила в свое оправдание: «Не подумайте, что мои занятия сводятся к балам, поскольку после нашего возвращения из деревни это первый раз, что я пошла на бал»⁴.

Нескончаемая череда балов и праздников «от Рождества и до поста» шла в Москве и в феврале–марте 1806 г. «...Твоя сестра, мой секретарь, совсем потеряла голову начиная с этой зимы, - сообщал сыну князь Андрей Иванович, - я успокаиваю себя только тем, что десять месяцев, которые нам осталось прожить до следующего января, с некоторыми кровопусканиями и облием холодной воды возвратят ей спокойствие, в котором она весьма нуждается с тех пор, как все танцует и танцует»⁵. Действительно, вихрь балов так закружил княжну, что она не успевала даже отвечать младшему брату на письма, хотя до этого сама пеняла ему на то, что он редко пишет: «я получила, мой дорогой друг и брат, ваши нежные письма, извините, что я еще не ответила на них – признаюсь откровенно, что Масленица, бал и прогулки были отчасти причиной этого молчания, но также верно, что я очень огорчена, что пропустила последнюю почту, но вы удостоверитесь, была ли у меня свободная минута: во вторник на Масленицу у князя Андрея был обед с танцами, который длился целый день; в среду – бал у Нелединских, на котором все дамы были в сарафанах, одетые как крестьянки, посудите, как занимал меня костюм, на мне было платье из голубого бархата, расшитое жемчугом, в четверг с утра у мадам Обресковой катание с гор, обед и ужин, и, чтобы закончить наконец Масленицу, вчера в воскресенье я была на балу у мадам Архаровой»⁶.

Среди обычных масленичных балов и гуляний зимы–весны 1806 г. особо выделялись московские торжества, посвященные князю П.И. Багратиону. Первопрестольная встречала его как героя, спасшего достоинство русской армии при Аустерлице; в

¹ Письма (в выписках и аннотациях) Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому А.И. и Карамзиным Н.М. и Е.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 5997. Л. 3.

² Вяземский П.А. Допотопная или допожарная Москва... С. 97.

³ Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 3093. Л. 41.

⁴ Там же. Л. 54об.

⁵ Там же. Л. 31об.

⁶ Там же. Л. 29.

честь него устраивались обеды, балы и приемы. На одном из них, 7 марта 1806 г., в числе действующих лиц была и княжна Вяземская: «Князь Хованский чувствовал прославленного князя Багратиона, была кадрили из барышень, одетых в зеленое и оранжевое и с каской на голове, я была в числе тех, кто исполнял гимн в его честь и славу и потом разные другие любезности, которые ему были оказаны. Я хорошо повеселилась»¹. Цвета нарядов участниц кадрили были не случайны и обыгрывали цвета мундира Багратиона, а каски а-ля Багратион, сделанные на Кузнецком мосту, по свидетельству Я.И. Булгакова, стали в Москве последней модой². Так что Чацкий в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» имел все основания заявлять, что в дворянской Москве «и в женах, дочерях – к мундиру та же страсть!». Кстати, подробностями действий Третьей коалиции против Наполеона и вообще политикой княжна Вяземская интересовалась мало. Во всяком случае, в письмах к брату она не обсуждала этих тем, которые у всех тогда были на устах, заметив только, что последние события в Европе их очень волновали наряду с болезнями домашних. «Мы были здесь очень заняты, – писала она князю Петру в декабре 1805 г., – сначала в течение 25 дней я была на балах, потом Наташа (дочь Н.М. и Е.А. Карамзиных. – Т.Е.) заболела scarlatinой, папенька тоже заболел, его кашель усилился и нас очень беспокоил, сверх того, политические события, которые нас очень занимают, я думаю, что даже у вас в пансионе, среди ваших товарищей, вы их знаете и тоже обсуждаете»³. Впрочем, большая погруженность в дела семьи, круга родственников и друзей и меньшее внимание к проблемам политическим, в целом, характерны для женских писем и дневников⁴.

Княжна Вяземская была очень заботлива по отношению к своим домашним, беря в этом пример со своей старшей сестры – Е.А. Карамзиной, фактически заменившей ей умершую мать и полностью посвятившей себя мужу и детям. В одном из писем Екатерина Андреевна называла сестру своей наставницей, которой она обязана всем самым лучшим в себе: «Получить ваше одобрение, моя дорогая подруга, и знать, что вы довольны мною, вот те награды, которых я желаю, и как мне не быть счастливой, когда вы меня в этом уверяете; вы, которой я обязана всем, что я имею хорошего, и если я умею любить вас, как я люблю, этим я опять-таки обязана вам, не знаю, не превзошла ли я в своей любви свою учительницу, но, по крайней мере, сравнялась с нею: кем должен быть тот, кто смог бы быть плохим, выйдя из столь доброй школы, какая была у меня...»⁵. В переписке с братом княжна упоминала про семейный быт Карамзиных, которые жили с А.И. Вяземским одним домом, но, к сожалению, делала это не очень подробно: описание балов юную девушку занимало куда больше, чем домашняя обыденная жизнь. Так, в мае 1806 г. она рассказывала брату про их житье в подмосковном Остафьеве: «Вот уже неделю, мой дорогой брат, как мы в деревне. Ах! Я чувствую здесь намного сильнее, чем в Москве, ваше отсутствие, вы знаете, что г-н Карамзин все время в своем кабинете, папенька всегда или читает, или на строительных работах (в Остафьеве завершалась отделка усадебного дома. – Т.Е.), Кат. Анд. с детьми, а я всегда и всегда одна, на прогулках и на занятиях, надеюсь, однако, что на

¹ Там же. Л. 31.

² Цит. по: Анисимов Е.В. Генерал Багратион. Жизнь и война. М., 2009. С. 59.

³ Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 3093. Л. 25.

⁴ Пушкарева Н. Гендерная теория и историческое знание. С. 327.

⁵ Щербатова Е.А. Письма к Карамзиной (урожд. Кольвановой) Е.А. // НИОР РГБ. Ф. 488. Картон 1. Д. 17. Л. 3.

днях у меня будет в качестве компаньонки англичанка...»¹. Несмотря на погруженность Карамзина в работу над «Историей государства Российского» и его малое участие в повседневных занятиях семьи², нравственное влияние историографа на домочадцев было огромным: «Вы знаете, что дорогой историограф своим примером воспитал во мне чувства патриотизма»³, - писала впоследствии Екатерина Андреевна старшей сестре из-за границы. Княжна была очень внимательна к своим маленьким племянницам и укоряла брата, забывшего поздравить с именинами двухлетнюю дочку Карамзиных – Наташу⁴.

При этом княжна живо благодарила князя Петра за те небольшие знаки внимания, которые, несмотря на свою рассеянность и забывчивость, он порой ей оказывал, прислав, к примеру, альбом: «я чувствую всю цену этой прелестной предупредительности, которую вы оказали, послав мне альбом»; «вы были бы очень любезны, мой дорогой друг, если бы его начали и написали бы мне что-нибудь в этот дорогой альбом, который будет мне намного дороже и намного более приятным, чем все альбомы, которые я могла бы купить»⁵. Брата и сестру связывала искренняя любовь: Екатерина Андреевна старательно переписала своим четким и красивым почерком посвященный ей ранний прозаический опыт брата: «Олеандр (моей юной сестре)»⁶, а Петр Андреевич сохранил на память в одном из своих знаменитых альбомов с коллекциями автографов письма от сестры 1805 г.⁷

В этих письмах часто встречались нравоучения: будучи старше брата тремя годами, княжна отличалась рассудительностью и убеждала князя Петра серьезно работать над своим характером, быть внимательным, прилежно учиться, чтобы тем порадовать папеньку и родных. Ожидая его возвращения в Москву, Екатерина Андреевна подводила такой итог их разлуки: «Итак, мой дорогой друг, после 16 месяцев вашего отсутствия мы собираемся вас увидеть, я – чуть более старше, а вы – чуть менее ребенок, я – чуть более сдержанная, а вы – чуть более поэт, что не беда, при условии, если это не зайдет слишком далеко, я – более серьезная, а вы намного более легкомысленный»⁸.

Впрочем, серьезность княжны не мешала ей с удовольствием принимать участие в балах, спектаклях, санных катаниях и других увеселениях, интересоваться, наряду с серьезным чтением, нарядами и отражать в своих письмах к брату быт и нравы старой дворянской Москвы.

¹ Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 3093. Л. 38.

² Бодэн Р. Женевский поклонник Карамзина: к вопросу о русских годах Джеймса Галиффа... С.74–75.

³ Письма (в выписках и аннотациях) Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому А.И. и Карамзиным Н.М. и Е.А. // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 5997. Л. 8.

⁴ Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // Там же. Д.3093. Л. 49об.

⁵ Там же. Л. 3об.

⁶ «Олеандр (моей юной сестре)». Рассказ, посвященный Е.А. Щербатовой // Там же. Д. 1059. Л. 1.

⁷ Альбом с автографами // Там же. Д. 5082. Л. 4–5, 7–8.

⁸ Письма Щербатовой Екатерины Андреевны (урожд. Вяземской) Вяземскому П.А. // Там же. Д.3093. Л. 57.